

Москва — школам мира
Качество: осознанность
Старшая школа

Утраченное полотно

Елена Дубровская

- Сколько стоит такая картина?
- Тысячу.
- А что это за техника?
- Монотипия.

Толпа замороженно смотрела на руки художника, который за десять минут с помощью баллончиков краски, газеты и шпателей рождает яркую и невероятно красивую картину. Готовые работы лежали разложенные на асфальте, и каждая была неповторима. Очень сложно было понять, сколько лет парню, одетому в глухой комбинезон и маску, защищающую его от ядовитого запаха краски, но то, что это был истинный художник, сомнений не было. Рядом бойкая молодая девчонка рассказывала, что и сколько стоит, ловко считала деньги и раздавала готовые картины.

Через час они быстро свернулись, словно никого здесь и не было, и Старый Арбат снова зажил своей размеренной жизнью. Москва еще не до конца вступила в холодную зиму, и всем хотелось насладиться последними теплыми лучиками осеннего солнца, которое яркими красками заливало воскресный Арбат. Глеб снял маску и комбинезон, на бегу рассчитался с Элиной, партнером по бизнесу и одноклассницей по совместительству, и быстрым уверенным шагом направился к метро.

Его ожидало то, ради чего он зарабатывал деньги, то, что завладело им и его жизнью — рисование в виртуальной реальности. Рядом с этим вся жизнь казалась тусклой и пресной. Само ощущение создания чего-то материального было настолько велико, что простое проведение линии приносило Глебу фантастическое удовольствие. Два года он наращивал мастерство, и вот уже сохранял свой мир, дорисовывал, дополнял деталями, а недавно стал моделировать персонажей — его мир наполнялся жизнью. Страсть к рисованию у Глеба появилась тогда, когда появился он сам, 16 лет назад. В 3 года Моцарт играл на фортепиано, а Глеб в три года очень натурально мог изобразить котенка или собачку. Мама говорила, что у них в роду кто-то был художником. Всё, что

было связано с семьей, Глеба, мягко сказать, угнетало. Они реально мешали ему заниматься любимым делом. Их сильнейшее желание, чтобы он, как все, окончил школу и пошел в институт, давно устарело. Еще раздражало, что родители постоянно пытались ему всучить младшую сестру. Поэтому Глеб решил, что дома надо появляться как можно меньше, тогда жить будет всем спокойнее.

Вот так всё шло по запланированному сценарию, пока вечером в комнату не зашла мама и не начала этот разговор. Причем начала она его как-то сразу, без вступлений и предварительной подготовки.

— Завтра с утра едешь к прабабушке и сидишь у нее целый день. Вечером привезешь ее в школьный театр, на премьеру спектакля, где играет твоя младшая сестра. После спектакля отвозишь бабушку домой и свободен.

— Я не понял, в чём я так провинился, что мое воскресенье будет уничтожено?

— Ты не понял? Это не предложение, не просьба, не уговоры — это то, как будет.

— Или что?

— Или ничего. Я не собираюсь с тобой торговаться. Просто надеюсь, что в тебе ещё присутствует хоть немного уважения к людям, которые, кстати, твоими ближайшими родственниками приходятся. Вспомни, когда ты последний раз видел бабушку?! Сколько лет назад? А ей скоро девяносто будет. А твоей сестре через неделю исполнится восемь, и она всем рассказывает о своем талантливом старшем брате, которого видит мельком в школе. Они любят тебя, ничего не требуя взамен, и если ты подаришь им немного своего внимания, то сделаешь двух человек счастливыми. Это аргумент?!

Глеб чувствовал, как первая реакция возмущения и отчаяния стала уходить на задний план, и на смену пришло неприятное ощущение легкого дискомфорта в области сердца, что-то напоминающее стыд или совесть.

— Хорошо. Только...

— Нет, никакого «только» не будет. Встретимся на спектакле.

Глеб удобно развалился в кресле у окна и уже два с лишним часа моделировал персонажа для одной игры. Он давно потратил аванс, который ему заплатили за этого героя, просто всё не было времени, но сегодня, когда он засел в квартире бабушки, время пришло. Плюс большим бонусом было то, что пока он работал, у него на журнальном столике, как по волшебству, появлялись разные

вкусоности. А главное, его никто не трогал. «Сюда даже можно иногда приходить», — подумал Глеб, закрывая компьютер. Времени было уже много, и пора бабушку везти на спектакль к Ксюше. С сестрой Глеб старался не пересекаться по тем же причинам, что и со всеми остальными — ноль общих интересов. Он не понимал, о чем ему разговаривать с Ксюшей или ее подружками, которые странно хихикают, когда он проходит мимо них в школе. Вот бабушка — другое дело. Оказывается, она не хочет общаться: молчит всё время, а что может быть лучше? Они уже подходили к такси, когда бабушка заговорила тихо, почти шепотом.

— Мой дедушка, получается и твой тоже, был художником. Говорили, что хорошим. Ты на него похож.

— И где его картины сейчас?

— Их не осталось. В сорок третьем в мастерской был пожар, нам удалось спасти только одно полотно. Но и эта картина была написана не дедушкой, а Софьей Юнкер-Крамской, дочерью Ивана Крамского. Она дружила с дедушкой и написала его портрет со мной на руках. Я там совсем маленькая. А дедушка большой, строгий. Я его только и помню очень строгим. Время было такое, вот он и перестал улыбаться. Но и эта картина была утрачена.

— Вот поэтому цифровой мир надежнее и сохраннее... — Глеб посмотрел на ничего не понимающее лицо бабушки и понял, что бессмысленно продолжать. — Короче, у меня ничего не сгорит и не потеряется.

— Ты молодец.

В ту минуту, когда состоялся этот разговор, Глеб, как это часто бывает, слушал не слыша. Но тогда он еще и не знал, что жизнь в любой момент может изменить весь ход событий.

Ксюша заняла места в первом ряду для всей семьи. «В телефон не залезть и спрятаться не за кого», — подумал Глеб, но, глядя на грозные лица родителей, решил промолчать. «Стратегически правильно будет выдержать этот день до конца — проще будет потом решать свои вопросы», — именно на этой его мысли в зале выключили свет, и началось представление. Оказалось, что это спектакль-мюзикл про город Доллвиль, в котором жили разные куклы. Они любили, дружили, пели, танцевали, пока не узнали, что ими управляет какой-то кукловод. И теперь они стараются покинуть свой кукольный город. Куклы были такие разные, что их играли школьники всех возрастов. Глеб уже шепнул родителям, что должен выйти в туалет, когда заиграла французская песня времен бабушек и

дедушек. На сцене появился грустный мим. Он явно куда-то собирается уезжать, в его руках большой коричневый чемоданом, такой же древний, как сама песня. Но тут он увидел на пустой ночной скамейке стоящую розу в горшке. Мим подсел к ней и, стесняясь, стал знакомиться. Дальше события развивались стремительно. Между мимом и розой за несколько минут прошли все стадии любви, ненависти, прощения, разлуки и встречи. Глеба почему-то зацепил этот номер, невероятная песня «Не покидай меня» в исполнении Жака Брелля и худой высокий мим с грустными глазами, без слов общавшийся с розой в горшке. Это просто приковало его внимание. И вот мим с розой уходит, а чемодан остается стоять. Но в какой-то момент мим вспоминает о чемодане, берет его и понимает, что уже не хочет никуда уезжать, он нашел свою любовь. Посмотрел в зал, словно выбирая, кому отдать чемодан. Мим встретился взглядом с Глебом, потом переводит взгляд на бабушку, сидящую рядом, и снова на него, а потом, словно радуясь, что нашел того, кто станет хранителем чемодана, передает его в руки совершенно обескураженного Глеба и только тогда уходит.

Дальше его сестра с подружками изображали кукол-младенцев, потом трогательная концовка спектакля, аплодисменты и поздравления. Можно отвезти бабушку, и — свобода. Глеб уже встал с места, когда мама протянула ему чемодан.

— Там очередь в раздевалке. Отнеси пока чемодан, а мы тебя подождем.

Желваки на скулах заиграли, но Глеб широко улыбнулся, прикидывая список всего, что он выторгует у родителей после этого «чудесного» дня.

— Не знаешь, кому его лучше отдать?

— Ну отдай мальчику, который мима играл. Очень хорошо сыграл, я расплакалась.

Рядом стоящая Ксюша опять не к месту захихикала, и Глеб подумал, что чем быстрее уйдет от своего дружного семейства, тем спокойнее пройдет остаток вечера.

За сценой все бегали и визжали. Как это было далеко от его красочного мира, где никто не визжит и не болтает без надобности. По сравнению с этим хаосом его мир прекрасен и упорядочен. Глеб спросил, где найти мима и ему показали дверь в гримерку. Он, не стучась, распахнул дверь.

— Чемодан свой забери.

Глеб поставил чемодан на пол, поднял глаза и застыл во второй раз. На него смотрела самая красивая девушка, которую он когда-либо видел, с грустными глазами мима. Она вытирала остатки грима и, словно извиняясь, посмотрела на

Глеба.

— Спасибо большое.

Надо было уходить. Но Глеб не мог заставить себя закрыть дверь и не мог оторвать взгляда от этих глаз. Но молчание нарушил зашедший в гримерку высокий холеный парень с огромным букетом роз.

— Поздравляю! Ты — лучшая!

— Спасибо!

Холеный оглянулся на всё еще стоящего Глеба.

— Ты что-то хотел?

— Уйти.

Глеб развернулся и резко ушел. Они из другого мира — мира людей. А он живет в мире, который создает сам, и ему хорошо. Почему какие-то театралы-интеллектуалы могут выбить его из равновесия?

Он вышел в зал, молча взял за руку бабушку и почему-то Ксюшу и потянул их к выходу. В вестибюле уже не было толпы народа, можно было спокойно одеться и выйти. Но как только морозный воздух обдал лицо, взгляд Глеба опять уперся в эти невероятные глаза. «Она теперь меня всю жизнь будет преследовать», — только успел подумать Глеб, как она подошла и протянула руку для знакомства.

— Меня зовут Варвара.

— Глеб.

— Ты так быстро убежал, что я не успела тебя поблагодарить.

— Мелочи не требуют благодарности.

— Из мелочей складывается человек. Вот ты пришел на спектакль с бабушкой и сестрой — и это не мелочи. Ты выглядишь так, что тебя вообще мало кто интересуется, а это оказывается не так.

— Рад, что смог тебя удивить.

— Я рада знакомству. Тебя ждут, — Варвара кивнула на стоявших неподалеку и открывших рот от изумления родителей, Ксюшу и бабушку. — Пока.

Итак, он совершенно не понимал, как это произошло и как теперь с этим быть. Впервые за свою шестнадцатилетнюю жизнь он влюбился. Чувства,

которые испытывал Глеб, были далеки от прекрасных. Ощущение непокоя, какой-то непроходящей лихорадки. Эти мысли, которые поглощают всё вокруг, а главное — эти глаза. Они настолько засели в его голове, что последние пять дней он только и делал, что рисовал их везде и на всём, что попадалось под руку. Даже то, что он провел часы в своей любимой мульти-вселенной, не помогало. Верная Элина старалась, как могла, что-то постоянно показывала, рассказывала и сопровождала его на всех точках жизни, и Глеб начал чувствовать нарастающее раздражение. Он хотел или видеть рядом те глаза, или остаться один. Всё остальное становилось мучительно-утомительным.

Он уже полчаса стоял около музыкального училища, чтобы застать выходящую Варвару. То, что она не из их школы, Глеб понял сразу, иначе бы он ее сразу заметил.

Она вышла под руку с невзрачным парнем, который что-то рассказывал, активно жестикулируя. Варвара остановилась и посмотрела прямо на Глеба. Быстро попрощавшись со своим спутником, она бодро направилась навстречу к своему театральному знакомому.

— Привет, почему ты здесь? Кого-то ждешь?

— Тебя.

— Меня?

— Ты удивлена? Мне уйти?

— На какой вопрос ответить?

— На оба.

— Я удивлена, и тебе не надо уходить.

— Хорошо, куда пойдём?

— Подожди. Сначала ты появляешься в театре. Твой вид просто кричал: «Вы все мне неинтересны и не трогайте меня», но ты приходишь на спектакль к младшей сестре с бабушкой!

— С прабабушкой!

— Твоя внешность и твои поступки настолько разнятся, что я совершенно запуталась.

— Сегодня внешность — не показатель. Короче, я делаю вывод, что ты не против со мной встречаться.

— Я, вероятно, старомодна, но мы не знакомы, мы даже пока не

разговаривали!

— Давай поговорим, только отсюда уйдём. Музыка — не моё.

— Ого! А мне казалось парни, как ты, всегда что-то слушают.

— Парней, как я, нет. Мы уже говорим?

— Давай в следующий раз, у меня экскурсия в музей.

— Ты можешь не ходить.

— Не могу. Это занятие по культурологии перенесли в музей. Видишь, меня ребята ждут.

— Хорошо, я с тобой.

Варвара удивленно посмотрела на Глеба. Высокий, независимый, свободный, непринужденный, причем и в одежде, и манерах, а ходит с бабушкой к младшей сестре на спектакли и собирается с ней в музей. А себя Варвара всегда считала довольно скромной и консервативной для современной девушки. Где подвох?!

Экскурсовод был очень убедительным, что можно было понять по заинтересованным лицам студентов. Только Глеб практически ничего не слушал. Он по-прежнему рассуждал, как же он так вляпался. Раза два ему хотелось уйти из этого музея, от незнакомых людей и этих новых и непонятных для него чувств. Но вдруг его за руку взяла Варя. Глеб в изумлении поднял на нее глаза, а она кивнула на экскурсовода, который обращался к нему с вопросом.

— Итак, молодой человек, как вы думаете, какой стратегический горизонт у вас должен в жизни быть? На какой период вы должны смотреть в будущее? На год, на два, на пять? Кто-то может готов на десять или двадцать лет? Есть у вас идеи?

Со стороны было странно смотреть, как незнакомый парень с вызовом смотрит на экскурсовода и молчит. Бойкая толстушка перехватила инициативу и стала рассуждать, что все нормальные люди планируют свою жизнь, хотя бы на несколько лет вперед.

— Хорошо. А вы знаете о том, что существует биологически предустановленный горизонт?

— Мы знаем стакато и легато, — выкрикнул рыжий паренек в очках.

Все немного посмеялись, а экскурсовод продолжил:

— Моей дочери было 3 года. Мы приехали к моей бабушке, а её

прабабушке, которой было 83 года — между ними разница 80 лет. Я смотрел на то, как они общаются, и вдруг понял, что на моих глазах происходит волшебное событие: человек, которому 80 лет, передает эстафету своих восьмидесяти лет моему ребенку. Когда-то бабушка тоже была девочкой и сидела на коленях у своей бабушки, которой было 80 лет. Поэтому она физически тоже приняла эти 80 лет. Это удивительно — на твоих глазах происходит соприкосновение 160 лет, тянущихся из прошлого. То есть физическое соприкосновение, а не абстрактное. В судьбах людей, которые держались за руку. А что ждёт впереди? А впереди ждёт большая жизнь вот этой девочки, внучки-дочки, которая проживёт свои 80 лет и возьмёт на руки свою внучку. И ты находишься в середине этого. И у тебя минус 160 лет в прошлое и плюс 160 лет в будущее. Это и есть предустановленный горизонт. Вот посмотрите на эту удивительную фотографию. На руках дедушки сидит маленькая девочка, его внучка, а за их спиной картина, на которой изображены они же.

Глеб аж подпрыгнул. Где он это слышал? Может он и плохо ориентировался в этом мире, но память у него была шикарная. Из скучающего подростка он вдруг превратился в заинтересованного человека. Быстро протиснувшись сквозь юных музыкантов, он прилип к фотографии. Ну конечно, на ней была его совсем маленькая прабабушка и знаменитый дед-художник, после которого не осталось картин. Он видел такую же фотографию у бабушки на стене, но там не было этой картины. Теперь всё его внимание захватила картина на заднем плане. Он по кусочкам собирал разговор с бабушкой, когда они ехали в театр. В голове крутилась фамилия художницы. И тут от неожиданности, что он ее вспомнил, Глеб сказал ее вслух.

— Это София Юнкер-Крамская. Дочь Крамского написала.

— Совершенно верно, — экскурсовод второй раз внимательно посмотрел на Глеба, — я интересовался местонахождением картины, но все-таки ее считают утраченной. Возможно, она пострадала в огне в Великую Отечественную, а может быть, была увезена за границу, сегодня трудно сказать.

Вечерняя Москва приветлива в любое время года. Улицы, усеянные разноцветными огнями, словно приглашают в добрую сказку. Глеб шел с Варей по знакомым местам, где большую часть времени проводил, уткнувшись в холсты и баллончики с краской, и не узнавал их. Сегодня он пропустил свой клуб, пропустил кусок своей привычной жизни, и это было не мучительно. Это были новые ощущения, и нельзя сказать, что менее яркие, чем в его любимой мульти-вселенной. Варвара была тиха и задумчива, что Глеб в несвойственной себе

манере спросил: «О чем думаешь?»

— Знаешь, ты не перестаешь меня удивлять. Ты меня окончательно запутал. То ты стоишь и на простой вопрос ответа не находишь, то выдаешь такие вещи. Откуда ты знаешь про эту картину?

— Это мои дед и бабушка. Или как там... Прабабушка и прапрадед.

— Ого! Ничего себе, встретились прошлое и настоящее.

— Да, бабушка говорила, что у меня прадед был особенным, правда никогда не улыбался.

— И у меня был прадед-герой. Правда, важно, чтобы ты для своих правнуков был особенным? Не думай, что наши предки были глупцами. Мы утратили многое, ими достигнутое.

Глеб пытался уснуть, но все время вспоминал слова, которые говорил экскурсовод. В голове крутились картина, дед, бабушка и бесконечно Варвара...

На следующий день Глеб пропустил школу. Впервые за последние несколько лет его прогул был вызван не жгучим желанием пойти в клуб порисовать или поиграть, а непреодолимым желанием поговорить с бабушкой. Они сидели и пили чай. Глеб чувствовал, что испытывает совершенно новые для себя эмоции, которые он никогда не знал и не думал испытывать. Он только сейчас понял, как он ошибался, что прошлое его семьи ему казалось скучным и неинтересным. Бабушка помнила прошлое лучше, чем настоящее. Она могла вспомнить, какая погода была во время конкретного разговора, и даже детали одежды. Про картину она говорила с грустью.

— София была удивительным человеком и талантливым художником. Она была другом семьи. С дедушкой они много вечеров провели, беседуя об искусстве, а я маленькая была, многого не понимала, но всегда слушала. Такие они были прекрасные — рядом с ними мне было светло и тепло. Поэтому она решила написать наш с дедушкой портрет, ведь я к нему, как хвостик, была привязана. Он меня, бывало, подзовет, посмотрит в глаза и скажет: «Только вырасти хорошим человеком». Я так старалась быть хорошей, только чтобы он улыбнулся, но так и не получилось увидеть его улыбку. Он ушел на фронт в 1941 и больше не вернулся.

— А куда картина делась?

— Вот этого я не знаю. Потерялась. Мы переезжали из квартиры

в квартиру, время было трудное, голодное. Мне было 10 лет, когда я пошла на завод работать. А что делать, тогда все и старики, и дети, кто что мог для победы, то и делал. Но вот фотография осталась. Как картина была написана, бабушка на следующий день фотографа позвал, как знал, что потеряется.

Глеб уходил с чувством какого-то внутреннего беспокойства, словно пропустил что-то важное, или забыл спросить. Для себя он решил, что завтра ещё раз навестит бабушку, но перед этим поищет информацию в интернете. Может найдет хоть какое-то упоминание об этой картине.

Вот примерно в таких размышлениях его и застала подошедшая Варя. Они ещё вчера договорились пойти на концерт, но, посмотрев на потерянного Глеба, Варя решила, что лучше будет им немного погулять и развеяться. Как-то незаметно, в разговорах, они дошли до Арбата, где перед ними неожиданно возникла Элина.

— Привет! А я-то думаю, куда это мой напарник и лучший друг подевался? Ни в школе, ни в клубе, ни здесь.

Глеб молча смотрел на Элину и вдруг почувствовал, словно кто-то опять сдавил грудь. И он хочет улыбнуться, ответить, сгладить ситуацию, но не может, словно всё тело парализовало. Варвара пришла на помощь.

— Просто Глебу нужно было срочно увидеться с бабушкой.

— Срочно?! С бабушкой?! Он только два дня назад узнал, что её зовут Александра Петровна.

— Элина? Вас так зовут? Не стоит говорить того, чего не знаете.

— Я не знаю?! Я его знаю лучше его семьи и друзей. А вот ты его давно знаешь?

— Три дня. И поверьте, иногда это очень много.

— А-а-а! Поняла! Ты в театре играла, а Глеб, «идеальный» внук, с бабушкой на спектакль к младшей сестре пришел. Это ему мама ультиматум поставила. Глебу плевать на бабушку, младшую сестру и всех вместе взятых. Единственное, что его интересует — это мульти-вселенная, которую он уже два года создает, чтобы потом продать подороже и свалить подальше.

Варя слушала Элину, и ей казалось, что она плохо слышит. Словно какой-то посторонний гул заглушал слова. Она повернулась к молчащему Глебу:

— То, что она говорит, правда?

Странно, он ответил «да», но поняла она это только по его губам. Варя повернулась и быстро, почти бегом, стала уходить подальше от этого места,

подальше от него.

За последние три дня ее привычный мир перевернулся, а жизнь превратилась в чудесный спектакль с выстроенными декорациями улиц и ее удивительным героем, непохожим ни на кого. Она шла, не оборачиваясь, но даже если бы ей захотелось оглянуться, то она бы увидела Глеба, точно так же стоящего на том же месте. И сразу декорации превратились в холодные, неуютные улицы. А её герой — в обычного вруна.

Две недели были для Глеба самыми непростыми в его жизни. Если, конечно, посмотреть на ситуацию как на развитие эмоционального интеллекта, то можно было порадоваться. Столько разнообразных эмоций Глеб не испытывал давно. О Варе старался не думать. Было не легче, потому что не думать не получалось. А вот с бабушкой они реально подружились. И настолько, что он ей рассказал, как впервые в жизни влюбился и сразу расстался. Бабушка оказалась хорошим другом, она никогда не осуждала.

— Ба, это с возрастом приходит, когда перестаешь осуждать? Давать оценки.

— Нет, у меня учительница была, молодая, вот она никогда никого не осуждала. Всегда сокрушалась о поступке, а не о нас. Кто-нибудь урок сорвет, она переживает, что теперь тему можем не так хорошо понять. Стекло разобьем, она о стекле переживает. Словно она сама его разбила и урок сорвала. Вот так мы ее жалеть стали и больше старались на ее уроках не шалить. Так что возраст здесь ни при чем, скорее любовь к людям.

— Я люблю рисовать, уходить в другую реальность и проводить там все время, а любить людей сложно. Когда я начинаю общаться с людьми, у меня сразу возникает куча проблем.

— А ты попробуй сначала полюбить эти проблемы. А потом и людей полюбишь.

— Честно сказать, мне сейчас ни до чего.

— Кажется, что нет ничего печальнее разбитого сердца. Поверь, есть. Это когда сердце перестает чувствовать. Влюбленность — прекрасное чувство. Оно делает нас лучше. Хотя бы мы знаем, какие мы, когда лучше.

— Мы это называем лучшей версией себя.

— Хорошо называете.

— А зачем?

— Что зачем?

— Зачем нам становиться лучше? Пусть просто нам будет лучше.

— Зачем мы стремимся к совершенству? Этот вопрос задавали себе во все века все думающие люди и каждый раз понимали, что только в этом и есть смысл жизни.

Было воскресное утро, когда Глеб заехал за бабушкой на такси.

— И куда же мы едем?

— Потерпи, скоро узнаешь. Тренируй выдержку, — Глеб засмеялся и взял в ладони маленькую морщинистую руку очень пожилой, но очень благородной женщины.

В клубе почти никого не было. Глеб привел бабушку туда, где провел последние несколько лет. Поставил на середину зала стул и помог ей сесть.

— Я сейчас надену на тебя виртуальные очки.

— А это обязательно? Я что-то волнуюсь. Я понимаю, что ты приготовил для меня сюрприз, но из-за этого волнуюсь ещё больше.

— Всё будет хорошо. Если не понравится, сразу снимешь.

Глеб стоял чуть в стороне и смотрел на сидящую в виртуальных очках бабушку. Он видел, как напряжены ее руки, как спина незаметно вздрагивает и вся она, как маленькая девочка, подалась вперед, навстречу картине, которую все эти дни рисовал Глеб. Это была точная копия с той фотографии в музее. Бабушка видела себя на руках у деда... который улыбался. Улыбался ей! Так близко, рядом, как живой! Утраченное полотно вновь вернулось в ее жизнь.

В народном театре был новогодний вечер, все готовили номера. Ксюша тоже ходила по дому и без умолку репетировала какую-то новогоднюю басню. Мама с папой переглядывались и улыбались. Все собирались на концерт. Все, кроме Глеба. Он ушел с самого утра, и сказал, чтобы не ждали.

Зал был полон. Кроме родных и друзей, в зале сидели артисты театра. Ведущий объявлял номер, и они шли выступать на сцену. Варя сидела с тем самым холеным парнем, а Ксюша с бабушкой и родителями прямо перед ними, на два ряда ближе к сцене. Концерт подходил к концу, когда на сцене без объявления просто погас свет и прожектор вдруг высветил ту самую лавочку, стоящую под одиноким фонарем с часами. Только на ней не было розы, а сидел

Глеб. Заиграла музыка, и он запел. Он пел на французском, словно знал его всю жизнь. Он пел «Не покидай меня». Ту самую песню, которая крепко соединила его мысли с Варей. Он допел последние ноты, но никто не аплодировал, в зале стояла тишина. Все сидели и смотрели на сцену. И только один человек встал и подошел к краю сцены.

Варя смотрела на Глеба и думала, что ее герой никуда не уходил, он всегда был здесь, со своими родителями, младшей сестрой и самой лучшей прабабушкой.